

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ТРУДЫ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ТОМ 12

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ КАЗАХСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
АЛМА-АТА • 1961

А. Г. МЕДОЕВ**НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГОР ТЕСИКТАС
И КАРАУНГУР**

В центральной части Северного Прибалхашья, на отвесных, наклонных и горизонтальных плоскостях трещин в скалистых выходах коренных пород встречаются групповые и одиночные изображения людей, животных, символических знаков. Содержание, форма и стиль большей части этих изображений свидетельствуют о ярко выраженной первобытности. Эти памятники во многих случаях находятся в непосредственной близости от стоянок каменного века. У наскальных изображений гор Тесиктас¹ и Караунгур эти стоянки представлены многочисленным инвентарем (эпипалеолит — неолит): скребки, наконечники дротиков и стрел, вкладыши, нуклеусы и другие предметы различных форм. Они изготовлены из горных пород, среди которых преобладают кремль, кварцит, яшмокварцит.

Однако из факта территориальной близости к стоянкам эпохи камня не следует, что все наскальные изображения данного района непосредственно связаны с ними во времени. Многие из них не представляют собой однородный, одновременный материал и встречаются также в эпоху металла на больших географических пространствах. Разновременность создания скальных рельефов сказалась прежде всего в различных системах выражения форм однородных реальных и абстрактных объектов, являвшихся сюжетами древних творцов. Но, с другой стороны, некоторые образы древнего искусства Северного Прибалхашья носят архаические черты, свойственные стилю дометаллических эпох. Подобное явление присуще не одному Прибалхашью, сходная картина вообще характерна для многих районов Казахстана², где известны памятники этого рода. Вместе с тем случайные параллели, возникшие из исторически

¹ Первые находки наскальных изображений гор Тесиктас, а также подъемных предметов каменного века в ряде точек Северного Прибалхашья были сделаны геологом ИГН АН КазССР Г. М. Козловским в 1959 г. Эти факты побудили Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР командировать в 1960 г. автора настоящей статьи в указанный район для специальных изысканий. Они были осуществлены в тесном контакте с геолого-геоморфологическими исследованиями, проводимыми здесь экспедицией ИГН АН КазССР под руководством Г. М. Козловского. В полевых исследованиях деятельное участие принимал ст. коллектор М. Джаксыбеков. Автор, пользуясь случаем, выражает признательность сотрудникам экспедиции ИГН за оказанную помощь в полевых работах.

² Интересные материалы по этому вопросу имеются в следующих работах: А. Х. Маргулан. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. (Отчет экспедиции 1948 г.). «Изв. АН КазССР», 1951, № 108, серия археол., вып. 3; А. С. Аманжолов. Писаницы ущелья Утеген. «Вести. АН КазССР», 1959, № 10; А. Г. Максимова. Наскальные изображения ущелья Тамгалы. «Вести. АН КазССР», 1959, № 9 (162).

несоответствующих культур, не могут служить руководящим признаком в датировке потому, что на базе общего наследия, но под влиянием различных условий существования, известны разные стили первобытного искусства.

Первобытные изображения, приводимые в настоящем сообщении, выбраны из общей массы известных (горы Тесиктас и Караунгур), чтобы представить наиболее характерные примеры из однородных групп. Их описание дано в следующей последовательности: человек, его деятельность, животные.

Знакомство с фигурами людей, выполненных на скалах Северного Прибалхашья, еще раз подтверждает, что у первобытного искусства «нарастание стилизации всего резче проступает в изображениях человека»³. Сопоставление их с одновременными им изображениями животных подтверждает это явление. К типичным примерам схематизма и условности принадлежат стилизованные изображения двух человеческих фигур, выщербленные на скалах в горах Караунгур (рис. 1, 1). Они представ-

Рис. 1. Наскальные изображения (1/5 нат. величины): 1—две композиционно связанные человеческие фигуры; 2—человеческая фигура с луком и стрелой в руках; 3—человеческая фигура; 4—охотничья сцена; 5—групповая охотничья сцена.

ляют характерное выражение «канонизированного» сочетания геометрических элементов без всякого намека на пластику. Подобная стилизация характерна для росписей мезолита (азиль) Испании, когда искусство этого периода, по словам Г. Кюна, внезапно вырождается «в чисто схематический рисунок»⁴. Такие стилизованные фигуры встречаются и в более позднее время в других районах Европы и Азии. Например, среди

³ Г. Кюн. Искусство первобытных народов. Л., 1933, стр. 45.

⁴ Г. Кюн. Там же.

тагарских писаниц⁵ Минусинской впадины фигуры людей аналогичны по стилю испанским⁶.

Однако схематизация и сведение к плоскосоному узору форм человеческой фигуры все же не достигли в прибалхашских рельефах той условности, которая наблюдается, например, в рисунках австралийских аборигенов⁷. Это можно проследить, сопоставляя с последними различные изображения человека (рис. 1, 2, 3) из гор Тесиктас и Караунгур. Примечательно, что среди наскальных изображений Онежского озера⁸, бассейна р. Заравшан⁹, с. Араван¹⁰, Саймалы Таш¹¹, верховьев Иртыша¹² и других районов Азии и Европы идентичные черты фигур людей продолжают бытовать в разных эпохах.

Изображение человеческой деятельности — редкое явление в сюжетах скальных рельефов Северного Прибалхашья. В горах Караунгур среди множества отдельных фигур людей и животных имеется только одно изображение охотничьей сцены (рис. 1, 4). Это человек с натянутым луком в руках, стрела направлена в рогатое животное (сайга²). Фигура человека изображена в профиль и ориентирована влево, на ЮЗ. Форма ее статична, система выражения условна. В изображении таза фигуры заметно стремление к фронтальному положению, тогда как корпус выше талии и ноги даны в типичном повороте. Изображением фаллоса «подчеркнуто», что охота была прежде всего мужской отраслью труда. В общем фигура стрелка создает впечатление целого, хотя и составлена из отдельных частей; это наиболее ясно проступает в верхней части корпуса, несмотря на его выразительный поворот. Стиль ее исполнения приближается в некоторых чертах к отдельным изображениям лучников из наскальных росписей восточной Испании¹³. Но в них слишком много динамизма по сравнению с караунгурским лучником, они полны неистового порыва¹⁴, а на нем лежит отпечаток неподвижности. Некоторый геометризм в линиях рогатого животного дополняет вышеизложенные основания для отнесения этой охотничьей сцены предположительно к поздней поре эпипалеолита и началу неолита.

В горах Тесиктас также находится одно изображение охоты (рис. 1, 5). В ней представлены две человеческие фигуры, стреляющие в рогатых животных, изображенных убегающими (?) от них. В этой композиции прежде всего бросается в глаза непомерно большой (по сравнению с изображениями людей и животных) лук верхнего стрелка. Можно полагать, что здесь типичное проявление одного из элементов первобыт-

⁵ Э. Р. Рыгдылон. Писаницы близ озера Шира. «Сов. археол.», 1959, т. XXIX—XXX, стр. 195, табл. V, 12—16.

⁶ В. К. Никольский. Очерк первобытной культуры. М.—Л., 1923, стр. 105 (рис. 18. Красные фрески. Стоящие и сидящие человеческие фигуры).

⁷ В. Spenserg. The Arunta. Vol II, London, 1927.

⁸ В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера. М.—Л., 1936, табл. 13, 117; табл. 36, 9.

⁹ А. Н. Дальский. Наскальные изображения в бассейне реки Заравшан. МИА, 1950, № 15, табл. 102, 3; табл. 103, 1.

¹⁰ А. Н. Бернштам. Араванские наскальные изображения и Даваньская (Ферганская) столица Эрши. «Сов. этногр.», 1948, № 4, стр. 156, рис. 1.

¹¹ А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы Таш. «Сов. этногр.», 1952, № 2, стр. 68, рис. 15.

¹² С. С. Черников. Наскальные изображения верховьев Иртыша. «Сов. археол.», 1947, т. IX, стр. 263, рис. 10; стр. 271, рис. 17.

¹³ С. Н. Замятин. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита. Проблемы истории первобытного общества. Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия, 1960, т. IV, стр. 89, 100 (репродукции изображения лучников из испанских скальных росписей).

¹⁴ М. А. Алпатов. Всеобщая история искусств, т. 1, М.—Л., 1948, стр. 45 (сцены сражения лучников из испанских росписей).

ного мышления, когда преувеличения реальных размеров были средством выразительной характеристики. Эта группа — более позднего происхождения по сравнению с аналогичной по содержанию сценой из гор Караунгур (рис. 1, 4).

Ископаемая фауна Северного Прибалхашья, запечатленная древними охотниками в наскальных изображениях, представлена фигурами бизонов, обитавших на этой территории до конца неолита и, возможно, позднее¹⁵.

В горах Тесиктас находят четыре фигуры этих зверей, выполненные точечной выбивкой всей площади силуэта (два изображения представлены на рис. 2, 1). Они отличаются лаконичными образами, выражающими только существенное и главное. Форма изображений статична, но производит впечатление сдержанного динамизма, словно бизоны каждое мгновение могут прийти в движение. Судя по характерному наклону голов, они запечатлены пасущимися или пьющими. Горизонтальные линии, соединяющие их ноги, по-видимому, означают плоскость опоры (?). Поверхность изображений патинирована.

Среди караунгурских изображений имеется только одна фигура бизона (рис. 2, 2). Это плоскостный силуэт, ориентированный на юго-восток, в нем также присутствуют верность натуре и сдержанность формы, но, учитывая утонченность исполнения и относительно большую интенсивность патинизации поверхности рельефа, следует признать его более архаичным по отношению к фигурам бизонов гор Тесиктас.

На основании стилистического анализа и палеозоологических данных не исключена принадлежность изображений бизонов к эпохе более древней, чем возраст основной массы инвентаря со стоянок, находящихся рядом с ними. Но, уточняя эту датировку, необходимо отметить, что это не дает все же достаточно убедительных оснований для привязки их

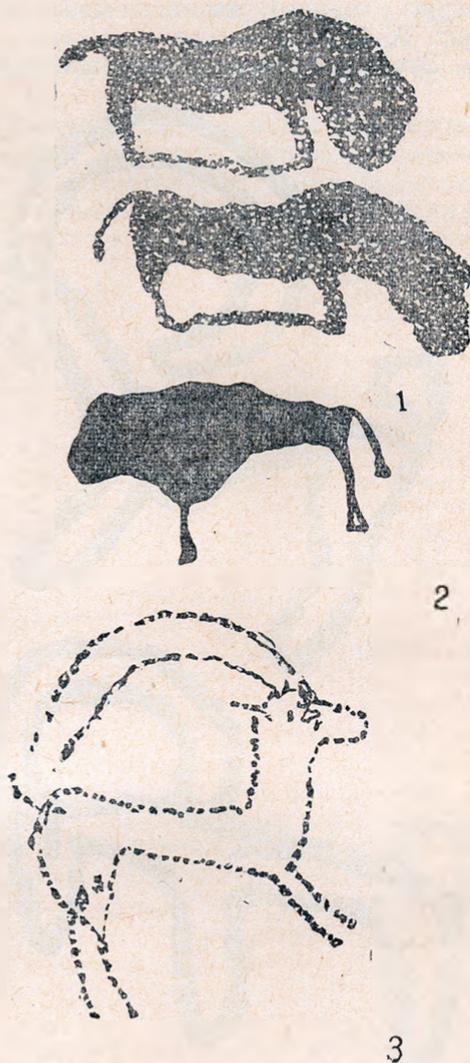

Рис. 2. Наскальные изображения ($\frac{1}{5}$ нат. величины): 1—два бизона; 2—бизон; 3—горный козел.

¹⁵ Устное сообщение В. С. Бажанова.

именно к памятникам древнекаменного века, имеющимся в этом районе¹⁶.

Среди изображений рогатых животных гор Тесиктас резко выделяется непосредственностью формы и интенсивностью патинизации одна фигура горного козла, выполненная точно-линейным рельефом (рис. 2, 3).

Это, несомненно, натуралистическое произведение (не лишенное

еще стилизацией непринужденности и свободы движения) относится к наиболее раннему, периоду существования изобразительной деятельности эпохи камня в Северном Прибалхашье. Его можно считать наглядной иллюстрацией воплощения динамичности и оживленности в наскальном творчестве.

Резкой противоположностью натурализму этой фигуры являются изображения горных козлов, гравированные непрерывно-линейным способом (рис. 3, 1, 2) на Караунгурских скалах, которые в свою очередь являются иллюстрацией стилизации.

Судя по явной утрате следования натуре, они относятся к концу неолита и к бронзовому веку¹⁷. В наиболее геометрически законченных фигурах этих козлов стилизация достигла чуть ли не степени геральдики. Вслед за схематизацией фигуры человека произошел подобный процесс в изображении животных. Несомненно, что подобный стиль — одно из наиболее поздних явлений в первобытных изображениях Прибалхашья¹⁸.

Такой геометрический стиль в изображениях рогатых животных встречается редко, некоторые аналоги имеются в наскальных рельефах Таджикистана¹⁹. Но среди них нет таких со-

Рис. 3. Наскальные изображения (1/5 нат. величины): 1, 2—горные козлы.

¹⁶ Это не исключает возможности отнесения определенной группы наскальных изображений гор Караунгур и Тесиктас к палеолиту, когда археология будет располагать более полными сведениями по древнейшему прошлому Северного Прибалхашья.

¹⁷ Северное Прибалхашье относится к району, где может быть прослежен переходный период от эпохи камня к эпохе металла. Основанием для этого служат, во-первых, многочисленные находки неолитических каменных орудий на местах древних плавов, представленных медными шлаками; во-вторых, встреченные автором на той территории погребения эпохи бронзы.

¹⁸ В однородных по стилю произведениях Прибалхашья наблюдаются изображения разной степени совершенства; публикуемые репродукции наскальных рельефов являются, по мнению автора, наиболее выразительными.

вершенных произведений, как среди караунгурских, где имеются уникальные по смелости и простоте линейного решения изображения горных козлов (рис. 3, 1, 2).

К вышеизложенному следует добавить, что публикуемые в статье памятники древнего искусства представляют большой исторический интерес как свидетельство изобразительного творчества на этой территории с эпохи камня.

Бесспорно, что в них нашли свое выражение первобытные верования их создателей, возникшие в процессе производственной деятельности. Датировка их не представляется окончательной, дальнейшее знакомство с первобытной археологией Северного Прибалхашья должно будет создать основания для уточнения ее в соответствии с новыми фактами.

¹⁹ А. Н. Дальский (Наскальные изображения Таджикистана. Изв. ВГО, 1949, т. 81, вып. 2) отнес древнейшие из них к неолиту, широко же встречающиеся в Таджикистане изображения руки и раскрытой ладони являются, по его мнению, свидетельством их связи с искусством палеолита; В. А. Р а н о в (Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (Западный Памир) «Изв. АН ТССР», Отделение общественных наук, 1960, № 1 (22), стр. 25) считает, что трудно согласиться с необоснованными выводами А. Н. Дальского, который отнес в целом позднюю группу наскальных рисунков бассейна Заравшана к «эпохе эпипалеолита и неолита». В этом случае он ссылается на другую статью А. Н. Дальского (Наскальные изображения в бассейне реки Заравшан, МИА, 1950, № 15, стр. 240). Но, исходя из общего смысла его возражений по хронологии изображений бассейна Заравшана, это распространяется и на остальной (в большей своей части наскальный) материал Таджикистана. Не вступая по этому вопросу в полемику, следует отметить, что их исследования ценны собранными материалами, которые при анализе обнаруживают общие закономерности в развитии с наскальными изображениями Казахстана.